

Однако в отличие от произведений древнерусской литературы школьные действия изобилуют аллегориями и персонификациями пороков и добродетелей, что еще более усиливает их абстрагирующее начало. Включение в пьесы большого числа аллегорических фигур тесно связано со своеобразным обобщением понятий. Такие обобщенные понятия воплощаются на сцене в виде соответствующих условных образов. Так, например, богатство изображается в виде Роскоши светской, воинскую доблесть олицетворяет Храбрость росская, и т. д. Более того, «зашифровываются» даже такие реальные исторические лица, как Петр I и Карл XII: на сцене им соответствуют фигуры Ревности православия и Неправедного Хищения. Иначе говоря, при создании пьесы автору приходится разрешать противоречие между обобщенностью того или иного сценического образа-понятия и необходимостью отражения конкретных политических событий и деятелей.

Бинарность, двойственность художественного мышления, свойственная мировоззрению древнерусского литератора, сохраняется и в сознании драматургов московской Академии. Мир представляется им как противоборство добра и зла. Отсюда и четкое разделение героев пьесы на истинных защитников православия («смирненных») и его заклятых врагов («зловерных», «нечестивых»). Имеются и пассивные действующие лица, например части света и Мир, которые, колеблясь между враждующими лагерями, обостряют их борьбу. В стане добрых сил действуют всевозможные персонифицированные добродетели: Честь божия, Благодетствие, Любовь небесная и т. д. Противоположный лагерь представлен многочисленными образами, в том числе образами Гордости, Ярости, Зловерия, Злочестия, Зависти и антипода Любви небесной — Любви земной, которая, в духе философских воззрений средневековья, воплощает в себе все темное, плотское, что по религиозным понятиям служит синонимом греховного.

В объяснении поведения и поступков человека авторы пьес находились во власти средневековых провиденциальных представлений. Вот, например, как мотивируется поведение доведенного до самоубийства Ахитофеля в пьесе «Божие уничижение гордых уничижение»: «Ахитофелю со Отчаянием и вервием ко древу на удавление пришедшу, является прежде Ад, радующийся гибели его ради, по сем ангел его хранитель, плачущийся, и Благодать божия, советующе ему сего не творити».³ Но борьба этих сил приводит к победе Отчаяния, в результате чего и совершается самоубийство, этот тягчайший, с точки зрения религии, грех («Отчаяние преодолет и прогонит обоя: и ангела и благодать»), и адские силы торжествуют.

³ Цит. по кн.: Н. С. Тихонравов. Русские драматические произведения 1672—1725 годов. СПб., 1874, т. II, стр. 437.